

18+

МАКСИМ МАЦЕЛЬ

Бриллианты Эльжбеты

ДЕТСКАЯ И ЮНОШЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Максим Мацель

**Бриллианты Эльжбеты. детская
и юношеская литература**

«Издательские решения»

Мацель М.

Бриллианты Эльжбеты. детская и юношеская литература /
М. Мацель — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-624939-4

Случайно найденная фотография запускает череду детективных событий, связанных с таинственным прошлым древнего шляхетского рода Западной Беларуси — семьи Ленских. Главная героиня — 14-летняя девочка Лида — попадает в водоворот приключений вокруг поисков исчезнувших сокровищ. Однако поиск бриллиантов приводит Лиду к разгадке ещё одной тайны — именно она, волею судеб, оказывается последней из рода Ленских.

ISBN 978-5-00-624939-4

© Мацель М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Хутор	6
Глава 2. Необычная находка	11
Глава 3. Панское имение «Сула»	15
Глава 4. Тайна фотокарточки	19
Глава 5. История Эльжбеты Ленской	23
Глава 6. Призрак из прошлого	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Бриллианты Эльжбеты
детская и юношеская литература
Максим Мацель

© Максим Мацель, 2024

ISBN 978-5-0062-4939-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Хутор

Лида с наслаждением откинулась на мягкое сиденье машины и, прикрыв глаза, слушала в наушниках музыку. Она была счастлива. Наконец-то подошла к концу учёба в восьмом классе и начались летние каникулы. Лида с трудом дождалась завершения школьной практики, ежедневно жалуясь папе на вредную директрису, которая своими дополнительными занятиями украла у детей целых две недели законного отдыха. Девочка повернула голову и посмотрела на папу. Тот, как обычно целиком поглощённый своими мыслями, внимательно следил за дорогой. Почувствовав на себе взгляд дочери, он повернулся к ней и, хитро сощутив глаза, произнёс:

– Лидка-а-а! Кани-и-икулы!

– Да-а-а! – задумчиво протянула та в ответ.

Серое шоссе уходило за горизонт и растворялось в прозрачной дымке где-то далеко впереди на фоне тёмной полосы леса. Вскоре лес оказался совсем рядом, и уже отчетливо виднелись острые серо-зелёные верхушки высоких елей. Папа свернул с трассы на извилистую гравийную дорогу, сбросил скорость и открыл окна. Салон автомобиля мгновенно заполнил терпкий запах еловых шишек, лесной земляники и летнего разнотравья. В солнечных лучиках, с трудом пробивавшихся сквозь густые кроны деревьев, сверкали и переливались тяжёлые капли росы. От утреннего леса веяло приятной прохладой, и Лида, выключив музыку, вслушивалась в весёлое щебетание птиц. Они ехали на дачу. Лида так её называла. Хотя на самом деле это была вовсе не дача, а самый настоящий хутор. Папа случайно наткнулся на него в позапрошлом году, когда в жуткую грозу умудрился заблудиться в лесу во время охоты. Возвратившись поздно вечером домой, промокший до нитки и весь покрытый с головы до ног закорелыми кляксами коричневой грязи, он разбудил дочь. После долго и с воодушевлением описывал ей «нереальной красоты» хутор со старым деревенским домом, одиноко уютившимся на опушке соснового бора прямо на берегу речки, в котором он вынужденно пережидал непогоду. Показывал на экране телефона фотографии, на которых ничего толком не было видно. Сплошная пелена дождя и чёрный лес. Какой-то унылый амбар с пустыми глазницами окон, весь заросший высоченной по пояс травой. Разве что фильмы ужасов в нём снимать. Да и речка как речка, даже больше на ручей похожа. Спросонья дочь не проявила ожидаемого энтузиазма по поводу папиной находки, искренне не понимая, чем тот так восхищался.

– Далековато, – зевнула она. Потом добавила: «Какая-то халупа».

Увидев, как тот расстроился, и чтобы не огорчать его ещё больше, она уже другим тоном ободряюще сказала:

– А так вроде норм. А интернет там есть?

Продолжая наблюдать отчаяние в глазах папы, она обняла его и достала из его спутанных мокрых волос жёлтый листок и несколько покрытых паутиной веточек. Затем уже совсем примирительно произнесла:

– Давай завтра утром посмотрим. Сейчас очень спать хочется.

Только папа никогда так просто не сдавался. Уговорил-таки через две недели дочь поехать и посмотреть на хутор. И, о чудо! Стоило им только выйти из машины и прогуляться вдоль опушки, как девочка сразу же влюбилась в это место. На обратной дороге они уже взахлёб спорили, перебивая друг друга, как изменится дом после ремонта и какая комната будет у Лиды. Планировали, где лучше выложить настоящую русскую печь, чтобы готовить в ней пироги и сушить грибы. И чтобы лежанка была побольше. А ещё стоит построить летнюю террасу с видом на речку и по утрам пить там чай. Лида в шутку корила папу за то, что тот так долго не мог её сюда привезти. И что ехать на самом деле не так далеко – всего-то сорок минут от Минска. Просто папа не умеет толком делать фотографии. Да ещё и погода в тот день была

пасмурная и дождливая. А сегодня светит солнышко и воздух такой тёплый. А речка какая красивая. И вода в ней такая прозрачная и чистая, что так и тянет зачерпнуть полные ладони и напиться вдоволь. А дом! Он такой большой. И брёвна такие толстые. А пахнет в нём как! Папа только хитро шурился и весь сиял. Лида улыбалась ему в ответ, прижимая к груди ведёрко с ароматными лисичками, которые всего за несколько минут собрала прямо на опушке. Так у них появился хутор.

Последующие полтора года папа практически каждую неделю навещался на хутор, разрываясь между работой и стройкой. Зачастую он возвращался домой, когда дочка уже спала. Лида поначалу даже пожалела, что они ввязались в эту затею. Ведь в последнее время им удавалось увидеться только рано утром за завтраком, да и то не каждый день. Папа был целиком поглощён ремонтом и всё чаще оставался там ночевать, если позволяла работа. По выходным он брал на стройку и Лиду. Иногда они вместе косили траву, жгли сухие ветки в саду, собирали в ящики опавшие яблоки. Когда появлялось настроение, ходили на соседнюю конюшню в старое панское имение, которое называлось так же, как и протекающая рядом с их домом речка, – «Сула». Там Лида пристрастилась к занятиям верховой ездой. Но по большей части они просто наслаждались природой, ходили за грибами, готовили на костре еду. А ещё они мечтали, каким красивым и уютным станет дом после ремонта. Эти поездки прибавляли обоим силы и терпения, чтобы дождаться окончания стройки. И дом вышел на славу. Про него даже статью в интернете написали, мол, какую красоту можно сотворить из старой развалюхи. Любимым местом в доме у них был огромный камин прямо посреди просторной гостиной. Камин сделали настолько большим, что папа забрасывал туда толстые поленья целиком. И те, с громким треском разгораясь, обдавали жаром всю комнату. Высоченная кирпичная труба при этом так натужно гудела, что Лиде даже становилось не по себе. А вдруг эта самая непонятная тяга, которую так нахваливал папе дед-печник, с гордостью сдавая свою работу, и её затянет в камин?

С камином вообще целая история вышла. Папа несколько месяцев ходил поникший, что никто из печников не желал за такую работу браться. Русскую печку – пожалуйста. Грубку с лежаком – только дай. А камин... «Нахалера он вам?» – лишь повторяли печники, словно сговорившись. Всё твердили, что камином только небо натопить получится, а уж никак не дом. Как оказалось, никто уже давно камины не делает, да и толком не умеет. Там свои правила кладки. Наконец один сдался. Совсем старик, маленький и щупленький. Росточком и фигурой ну прямо как мальчик. Он с сыном из глухого Полесья на заработки приехал. Упёрся, правда, чтобы папа чертежи достал. По чертежам, сказал, сделает. Да и не он вовсе это сказал, а сын его так перевёл. Дед-печник говорил на таком чудном языке, что даже папа его не всегда понять мог. Слушает, слушает, а потом как засмеётся и к молодому поворачивается, мол, давай переводи. Удивлённой Лиде папа растолковал, что это старые полешуки и мова у них своя, особая. А про смысл многих слов и так догадаться можно. Например, свод печи они «поднебнем» называли. Красиво звучит. Значит, как бы в небо упирается. Сразу сложновато было общаться, но со временем привыкли. Как пришёл срок камин испытывать, то заметно было, что старик волновался. Но стоило только первым щепкам разгореться, как густой сизый дым плотной струйкой потянуло в трубу. «Будет тяга!» – радостно усмехнулся старик.

– Да ещё какая! Смотри, чтобы тебя не утянуло, – добавил за ним сын, глянув на Лиду и шутливо подмигнув ей.

Ох и весёлым же этот старый полешук в итоге оказался. Всё лето они с сыном на хуторе проработали. Даже расставаться не хотелось. Перед отъездом он выложил русскую печь. Не дав кладке как следует высохнуть и затвердеть, старик, как обезьяна, запрыгнул на лежанку и давай плясать.

– Ты что творишь, старый чёрт? – в сердцах воскликнул тогда папа. – Сам же свою работу испортишь.

– Не волнуйтесь! – заступился за него сын. – Коли печь на совесть сложена, она и не такие танцы выдержит. А батя своё дело знает.

Вот и переживала Лида, что в трубу её может затянуть. Поначалу она много чего боялась. Особенно страшным казалось одной очутиться в лесу, окружавшем хутор со всех сторон. Где-то там в чаще бродил матёрый кабан с кривыми, как турецкие сабли, клыками. Кабан этот иногда по ночам захаживал на хутор и разрывал носом землю неподалёку от дома, оставляя после себя такие гигантские отпечатки копыт, что папа даже не удержался и измерял их линейкой, при этом удивлённо качая головой. Кабана он называл Секачом. Лида так и не успела вывести, откуда папе известно его имя. Над всеми страхами дочери он только, как обычно, по-доброму посмеивался и заверял её, что Секач боится Лиду даже сильнее, чем она его. Потому и приходит по ночам. Девочка успокоилась. В последние дни ремонта рабочие, которых все называли смешным и странным словом «шабашники», соорудили домик в ветвях раскидистого старого дуба, растущего на краю участка. Счастью Лиды не было предела.

– Всё, приехали. Выгружайся, – прервал папа мысли дочери, припарковав машину рядом с низеньким сарайчиком позади дома.

Лида нехотя вылезла из машины, сладко потянулась и прошептала: «Кайф». Затем обернулась:

– Па!

– Что?

– Я схожу к Лёдзе Петровне. Может, Сенька приехал.

– Вещи только свои сначала в комнату отнеси.

Лида торопливо затянула наверх тяжёлую сумку с одеждой и направилась через просеку в соседнюю деревню к знакомой бабуле. С Лёдзей Петровной папа повстречался в тот же день, когда набрёл на хутор. Она была старожилом, всех знала и потому помогла найти рабочих для стройки. А ещё папа покупал у неё творог и сметану. В прошлом году Лёдзя Петровна даже пригласила их с Лидой на свой день рождения. Папу в деревне уважали. Все удивлялись, как он за такой короткий срок смог привести в порядок обветшалый хутор. А ещё папа разрешал пасти в их саду коров и собирать вкусные яблоки, которых осенью было полным-полно. И вообще они быстро сошлись с местными, хотя и сходитья особо было не с кем – всего-то семь дворов в деревне.

Пешком до деревни идти минут десять, а на велосипеде и того быстрее. Подходя к дому Лёдзи Петровны, Лида ещё издали заметила два вихрастых чуба, торчащих поверх кустов. Ну конечно! Паша и Томак. Кому же ещё тут быть? Томак и Лида были одногодки, а Павел только перешёл в последний класс. Они каждый год приезжали к бабушке Лёдзе на все каникулы из Баранович. Прошлой осенью мальчишки не раз брали с собой Лиду за грибами и на рыбалку, найдя себе отличный предлог увильнуть от работы по хозяйству. При этом они нередко исчезали куда-то по своим делам, заговорщицким шёпотом предупреждая Лиду, что если бабушка будет спрашивать, то они целый день провели с ней. Воровато оглядываясь по сторонам, братья курили. Девочку они не видели. Та незаметно подкралась к Паше с Томаком и выскочила у них прямо перед носом.

– Привет! А что это вы тут делаете?

Пашка от неожиданности поперхнулся дымом и закашлялся, а Томак зажал окурочек в кулак и тут же отбросил в сторону, с досадой ухватившись за обожжённую ладонь. Лидка расхохоталась. Смущённые братья покраснели и не нашлись что ответить. Девочка переводила задорный взгляд то на одного, то на другого, оценивая произведённый её внезапным появлением эффект. Со времени их последней встречи те успели заметно вытянуться. Особенно Томак, который хоть и был младше Паши, но ростом уже обогнал брата. Его длинная нескладная фигура постоянно пребывала в каком-то беспокойном движении, как будто он вот-вот собирался что-то учудить. Больше всего забот ему доставляли собственные руки. Томак никак

не мог найти им места. Он то прятал их в карманы брюк, то вновь доставал и теребил ими свои короткие непослушные волосы, походившие на раскиданную копну соломы. Сейчас он сложил руки за спиной и незаметно потирал место ожога, болезненно морщась при этом. Глаза его также виновато моргали, избегая встречи со взглядом Лиды. В отличие от брата, Павел был всегда собран и никогда не суеился. Даже речь его была плавной и слегка заторможенной. Телосложением он был гораздо плотнее Томака. Издали его вообще легко было принять за взрослого, особенно когда он шагал по дороге своей размеренной шаркающей походкой. Пашка непременно хотел казаться взрослее, чем он был на самом деле. Он уже давно решил, что станет учителем, и чтобы легче было поддерживать авторитет у будущих учеников, выработывал в себе привычку держаться при посторонних солидно и с неизменным достоинством.

– Надолго приехала? – наконец спросил Паша, поняв, что тревога оказалась ложной.

– Не знаю пока. Наверное, на всё лето. Бабушка дома?

– В огороде копается.

– Пошли, я к вам в гости.

Заметив, что оба продолжают смущённо топтаться на месте, Лида улыбнулась и добавила:

– Не бойсь! Не выдам. Мой папа тоже от меня прячется, чтобы покурить. Думает, что я не знаю.

Ободрённые такими вескими доводами, братья успокоились, и вся компания дружно направилась к дому.

Лёдзя Петровна сидела на крыльце и чистила редиску. Заметив Лиду, она отставила миску в сторону и поднялась, опёршись на кривую клюку. Затем, радостно улыбаясь, заковыляла навстречу к девочке. Все в округе говорили, что бабуля – колдунья. Когда Лида спросила про неё у папы, тот с улыбкой ответил, что люди от невежества городят всякую чушь. И никакая она не колдунья, а просто знахарка или травница. Хотя после добавил, что может и колдунья. Но только добрая, потому что людям помогает. Она всегда передвигалась, согнувшись в три погибели, и смотрела на окружающих снизу вверх острым, пронизывающим взглядом. В любое время года Лида видела её неизменно укутанной с ног до головы в тёплые вещи. Девочка всегда поражалась, как это ей не жарко летом так наряжаться. Единственный предмет гардероба, который бабушка меняла с приходом весны, был её тёмно-серый махровый платок. С наступлением тёплых деньков она откидывала платок на плечи, а голову укрывала лёгкой хлопчатой косынкой.

– Что вы, Лёдзя Петровна! Сидите. Я сама подойду.

– Ничога. И гэтак цэлы дзень сяжу. Привет, мая лапанька. Дауно прыехала?

– Только что.

– Ну пайшли я цябе пакармлю, бо ты такая худэля.

Лёдзя Петровна отправила мальчиков в погреб за сметаной. Через минуту она уже поставила перед Лидой тарелку с ещё тёплыми тонкими блинчиками и глубокую чугунную сковороду с журчащими в жире шкварками. Лида с удовольствием принялась за еду, по ходу умудряясь рассказывать бабуле последние новости. Девочка, обжигаясь, пальцами выуживала из сковороды ароматные кусочки жареного сала и заворачивала их в блин. Затем макала блин в скринку со сметаной и отправляла в рот. Ох и вкусотища. На столе появилась чашка чёрного чая и блюдо с малиновым вареньем. На вопрос Лиды, что у них нового, Лёдзя Петровна обстоятельно отвечала, что всё по-старому. Пашка и Томак школьный год закончили плохо и вообще учиться не хотят. На лето они устроились в колхоз на подработку. Ей уже сложно самой ходить собирать травы. Ноги болят, а внуки помогать не хотят. Может, Лидка как-нибудь подсобит, и Лёдзя Петровна расскажет ей про силу, скрытую в растениях. Потому как в жизни ей это непременно пригодится. Огурцы в этом году ранние и уже поспели, а клубника ещё почти вся зелёная, так как сильно дожди лили. Но всё равно Лида должна пойти на огород и набрать клубники себе и папе. Сеньку привезут только послезавтра, и он сразу придёт к ней

в гости. Сенька – третий внук Лёдзи Петровны – был закадычным Лидкиным дружкой. Ему исполнилось всего девять лет, и он хвостиком ходил за Лидой, не оставляя её ни на минуту. И ещё он очень любил играть с ней в куклы. Говорил Сеня мало, почти всё время молчал. Вообще, он был очень тихим и застенчивым ребёнком.

Лида сбегала в огород и наелась сладкой клубники, выбирая самые крупные и спелые ягоды. После набрала кружку для папы.

– Ну, я пойду, Лёдзя Петровна! Кружку завтра вам верну. И с травами вам помогу. Вдруг папа заболит. Тогда я его вылечить смогу. Спасибо за обед. Надо ещё вещи в сарае перебрать, – попрощалась она и направилась к хутору. Пашку и Томака нигде не было видно. Скорее всего, опять курили где-нибудь втихаря.

Глава 2. Необычная находка

На лужайке перед сараем уже громоздилась гора всякого хлама, а папа всё продолжал выносить вещи.

– Доча, сможешь всё вытянуть? Завтра рабочие должны приехать. Начнут сарай приводить в порядок. Хорошо бы успеть перебраться к их приезду.

Лида с интересом заглянула в сарай. Чего там только не было. Какие-то старые лопаты и вилы, уйма различных железок, разломанные стулья, остатки битой посуды, мешки с цементом, доски, верёвки, инструменты. Казалось, конца и края этому не будет. Всё было покрыто толстым слоем серой пыли, и девочка не удержалась и чихнула. Она натянула перчатки и принялась за работу. После часа совместных усилий сарай опустел.

– Что ты со всем этим будешь делать? – спросила она.

– Сейчас зажжём костёр и половину спалим. Остальное оставим пока на улице, только плёнкой накроем. Как отремонтируем сарай, назад занесём. Только уже по порядку. А железки строители на свалку увезут.

Папа развёл огонь и начал бросать в него мусор.

– Только помногу сразу не кидай, – попросил он дочь. – А то слишком большое пламя разгорится.

Лида принялась подбрасывать в огонь обрывки старых обоев, исписанные тетрадки, обломки деревянных стульев. Следом пошли толстые картонные папки, которых в сарае была целая стопка. Вдруг из одной из папок на землю выпала старая чёрно-белая фотография, чудом сохранившаяся, вся в жёлтых пятнах. Лида подняла карточку и принялась её внимательно рассматривать. На фотографии на стуле сидел молодой офицер в военном мундире и высоких блестящих чёрных сапогах. Одной рукой он опирался на рукоять сабли. Рядом с ним стояла стройная женщина в нарядном белом платье. Изображение лица её хорошо сохранилось, и было заметно, что она очень красивая. Шею женщины украшало ожерелье. Обе руки она положила на правое плечо мужчины. На обратной стороне карточки было что-то написано неразборчивым почерком.

– Па, смотри, что у меня.

Папа взял фотографию, повертел в руках и с трудом прочитал надпись на обороте:

– «М. Василевский с женой. Тысяча восемьсот девятый год». Почти сто тридцать лет прошло. Удивительно, как она ещё не рассыпалась в труху?

Он намеревался бросить фото в огонь, но Лида перехватила его руку.

– Э! Это моё!

– Зачем тебе этот мусор?

– Надо.

Лида сунула фотокарточку в карман и продолжила бросать картонки в огонь. Больше ничего интересного ей не попало. Солнце уже начало садиться и потянуло прохладой. Но возле костра было тепло. Как же здорово было палить огонь на поляне. Наконец, оба утомились.

– Ну, хватит на сегодня. Остальное рабочие дожгут. Давай посидим у костра, отдохнём. Ты кушать хочешь?

– Нет, я у Лёдзи Петровны поела. Может, только чуть-чуть. Давай хлеб с салом на огне пожарим?

– На этом огне нельзя. Там один мусор. А новый раскладывать уже сил нет. Просто чаю попьём с печеньем. А завтра уже шашлыки пожарю.

Папа вынес небольшой столик с чаем, и они уселись рядом на скамейку.

– Па!

– Что?

– А кто это может быть на фотке? Она так на маму похожа.

Папа взял фотокарточку и какое-то время внимательно её изучал.

– И правда похожа. Даже больше на тебя, чем на маму. Не знаю. Может, старые хозяева хутора. Надо у Лёдзи Петровны будет спросить, что это за Василевские. Но судя по одежде и фамилии, скорее всего, какие-нибудь местные шляхтичи.

– Кто это «шляхтичи»?

– Лидка, вам на истории разве не рассказывали?

– Не помню. Слово знакомое, только не помню, что оно значит. Ты же сам говорил, что наш учебник истории написан специально, чтобы учеников запутать, а не научить.

Папа тихонько рассмеялся. Лидка очень любила этот его низкий, слегка с хрипотцой смех. Она глянула на него и рассмеялась следом. Дальше больше. Смех становился всё громче, и они уже не могли остановиться. Наконец успокоились, утирая с лица слёзы.

– Фу-у-у! Разве я такое когда-нибудь говорил?

– Говорил-говорил.

– Ладно. Может, и говорил.

– Па. Ну расскажи!

Лидка больше всего любила, когда папа ей что-нибудь рассказывал. Его было всегда так интересно слушать. И главное, он делал это так просто, что ей всё сразу становилось понятно. Вот если бы её учитель по физике мог также легко объяснять урок. А то как начнёт умничать, то уже на втором предложении перестаёшь понимать, о чём идёт речь.

– В общем, это такое знатное сословие раньше на территории Польши и Беларуси было. Дворян так называли. Только на наших землях они сильно отличались от знати в других государствах. В Европе, да и в России, дворян очень мало было. Может, один на сотню, а может, и того меньше. А у нас раз в десять больше шляхтичей было. И звание это давалось не по рождению, а по заслугам. Правда, раздавалось оно от души, как говорится, налево и направо. Поэтому шляхтичами становились и крупные магнаты, и землевладельцы, и даже короли. А встречалось много и бедных, у которых ничего за душой не было. Например, учителя крупных университетов звание шляхтича сразу получали. Вот и развелось этих шляхтичей до холеры. Каждый встречный-поперечный себя шляхтичем именовал. Но, в общем и целом, шляхтич, как правило, был человек культурный, образованный. Раньше-то, конечно, по-другому было. Раньше шляхтичи были воинами, да ещё какими. Элита армии. Мальчиков с детства готовили. Учили верховой езде, владению оружием. Ну и манерам тоже учили. Танцам, наукам, иностранным языкам. Только со временем всё утратило первоначальный смысл. Ну а между собой шляхтичи друг дружку панями звали. Пан такой-то – значит шляхтич. У поляков до сих пор обращение «пан» и «пани» в обычной жизни остались. Ты, наверное, не вспомнишь. Маленькая ещё была. Мы когда-то ездили в Польшу к моим друзьям по старой работе. Там тебя все пани Лидией называли. Тебе это очень нравилось, и ты постоянно передразнивала: «Пани Лидия, да пани Лидия».

– Нет, – вздохнула Лидка. – Не помню такого. Жалко.

– Не переживай. Ещё побудешь паненкой. Может, поедешь в Польшу учиться после школы. Сейчас у нас многие уезжают в университеты Варшавы или Кракова. Вот и повстречаешь себе кавалера из шляхтичей. Но вообще, это я тебе про шляхту очень упрощённо рассказываю. Вырастешь, больше сама узнаешь, если интерес останется.

– А ты шляхтич?

– Может и шляхтич. Кто знает? Я не интересовался никогда. Сейчас людей по-другому меряют. Можешь хоть на лбу у себя «шляхтич» написать. Лучше ты от этого не станешь.

– А почему только в Польше и Беларуси шляхтичи были?

– Трудно сказать. Может, потому что мы как раз посередине между двумя мирами оказались – Европой и Азией. Надо было что-то своё придумать, чтобы выжить. Мы же раньше одной страной были.

– В смысле одной страной?

– Ну, Польша и Беларусь раньше одной страной были.

– Да-а-а?

– Да, Лидусь. С историей у тебя пробелы. Надо будет ещё разок в твой учебник заглянуть. Неужели там про это не пишут? Последний раз граница как раз по нашей дороге проходила и дальше по речке. Вот «Сула» была на польской территории, а наш хутор – на белорусской. Ты сегодня, считай, дважды границу пересекла.

– Ого. И давно это было?

– Почти восемьдесят лет назад. Мы с Петровичем как на охоту пойдём, так всякий раз натываемся на следы старой границы. Всё уже мхом поросло, но при желании можно разглядеть.

– А на фотокарточке женщина в том году в какой стране жила: в Польше или в Беларуси?

– Ни в той, ни в другой, – рассмеялся папа. – Тогда это была Российская империя.

– Ничего не понимаю.

– Не расстраивайся. У нас большинство взрослых до сих пор ничего не понимают, а уж дети и подавно.

– Так, а шляхта была российская тогда?

– Не-а. Шляхта – польская, а империя – российская.

Папа смущённо посмотрел на ничего не понимающую дочь, и они оба, не сговариваясь, вновь расхохотались. Костёр уже догорал, и горка углей искрилась ярким оранжевым светом. Птицы умолкли, и окружающий лес давил своей чарующей тишиной. Совсем рядом раздалось уханье филина, и Лида вздрогнула и посмотрела в темноту. Папа подбросил в огонь несколько поленьев. Те весело затрещали от охватившего их пламени. Они сидели рядом, думая каждый о своём.

– Скучаешь по маме? – вдруг спросил папа.

– Скучаю.

– Мне её тоже не хватает.

У Лиды комок подступил к горлу. Мамы не стало, когда Лиде было восемь лет. Она погибла в аварии. Папа тогда за несколько дней сильно поседел и долго ни с кем не разговаривал. Он осунулся, и его до этого стройная и подтянутая фигура стала похожа на вопросительный знак. Не то чтобы Лида хорошо помнила, каким он был до смерти мамы. Просто ей казалось, что он раньше постоянно смеялся и был очень весёлым. А сейчас он всегда оставался немного грустным, даже когда улыбался. На первое время Лида переехала жить к бабушке, но позже папа забрал её к себе. За последующие несколько лет они очень сблизились. Папа даже научился заплетать ей косички, выбирать платья и разбираться в куклах. Он вместе с дочкой ходил на школьные праздники, водил её после занятий на кружок по рисованию, помогал делать уроки. Он ни разу не повысил голос на Лиду и стойко принимал все её шалости. Что же касается оценок по учёбе, то здесь вообще Лиду ожидал сюрприз. В начале прошлого учебного года папа заявил ей, что ему совсем не важно, какие оценки Лида будет приносить из школы. И он никогда не будет наказывать её за двойки. Потом он какое-то время поругал систему образования, возмущаясь, что если никому в стране нет дела до того, чему учат детей, то ему не всё равно. Главное, чтобы Лида выбрала себе те предметы, которые ей интересны, и делала упор на них. Когда девочка передала этот разговор своим подружкам, те только поохали да поахали от удивления и зависти. Он был самым лучшим папой на свете.

– Пап. Мы же с ней всё равно встретимся на небе?

– С мамой? Непременно. Только торопить этого не надо. Тебе ещё предстоит долгая и счастливая жизнь на земле.

– А тебе?

– И мне тоже. Куда же мы друг без друга денемся?

Лида ещё ближе придвинулась к папе и, успокоившись, положила голову ему на плечо. Она начала клевать носом, но уходить в дом не хотелось. Папа набросил на неё свою куртку и подкинул ещё поленьев в огонь. Ей стало совсем тепло и хорошо, и не в силах бороться со сном Лида заснула.

Глава 3. Панское имение «Сула»

Проснулась Лида очень рано. Её разбудило какое-то громкое тарыхтение во дворе дома. Девочка выглянула из окна и увидела, что папа беседует с Валерием Петровичем, который прикатил на своём грохочущем охотничьем вездеходе. Это был давний папин друг, с которым они уже много лет ездили вместе на охоту. Валерий Петрович был уже в преклонном возрасте, но сил и энергии ему было не занимать. Казалось, он с утра до позднего вечера только тем и занимался, что колесил по окрестностям и наводил порядок на вверенной ему территории. То вышки охотничьи подправит, то рухнувшее дерево уберёт с дороги, а то и вовсе ночь напролёт браконьеров караулит. Одна характерная черта выделяла его среди остальных папиных друзей охотников – очень Валерий Петрович любил наряжаться. Создавалось впечатление, что он каждый день покупает себе какую-нибудь очередную охотничью обновку: то стильную шляпу с яркой кокардой, то сапоги с меховыми отворотами, то скрипучий патронташ из жёлтой дублёной кожи. А уж ягдташей в его коллекции насчитывалось побольше, чем дамских сумочек у самой щеголеватой столичной модницы. Вот и сейчас через плечо у него был переброшен изящный медный охотничий рожок на тонкой вязаной тесьме с замысловатым декором. Несмотря на суровый внешний вид и массу всевозможного оружия и снаряжения, которые являлись неотъемлемой частью его облика, Валерий Петрович в жизни оказался человеком мягким и общительным. Он недавно вышел на пенсию, а до этого заведовал большой фирмой в Минске. Недостаток общения после ухода с работы он восполнял кипучей деятельностью на новом посту руководителя местного охотничьего коллектива. Охота была его давней страстью и бессменным хобби на протяжении всей жизни, и он был беспредельно рад наконец посвятить этому занятию всё своё свободное время. Не было, пожалуй, в округе человека, лучше осведомлённого обо всех последних новостях и событиях и который бы пользовался таким непререкаемым авторитетом у местного населения. Для большинства соседних хуторян, разменявших суету и спешку вечной гонки на безмятежное уединение, он заменял и справочное бюро, и гугл-поисковик.

– Лид! Поехали с нами прокатимся, – папа помахал ей рукой.

– Куда?

– Поможем Петровичу. Закинем зерно на подкормочные площадки, а заодно и на зверей посмотрим.

– Ура! Я с вами!

– Только захвати мой бинокль на столике у выхода.

Вскоре они уже рассекали по лесной дороге, громко переговариваясь, чтобы перекрыть шум мотора.

– Па! А комары меня не закусуют?

– Сегодня не закусуют. Смотри, какой ветер сильный. Комары кусаются, когда тишь стоит.

– А зачем мы зерно для зверей везём? Разве они в лесу сами не могут пропитаться?

– Летом еды хватает. Только у Петровича зерна прошлогоднего много осталось. Если сейчас не скормить, его долгоносик попортит. Да и новый урожай уже скоро будут собирать.

– Какой долгоносик?

– Жучок такой маленький с хоботком. Он серединку зерна выедает, только одна пустая шелуха остаётся.

Внезапно Петрович остановил свой драндулет и показал пальцем на соседнее поле. По нему двигались несколько крупных чёрных точек.

– Посмотри в бинокль, – обратился он к Лиде. – Это стадо косуль переходит.

Лида навела бинокль на поле, настроила резкость, как учил папа, и отчётливо увидела несколько косуль. Животные замерли и смотрели на них. Так они играли в гляделки около минуты. Затем косули внезапно встрепенулись и высокими прыжками поскакали прочь. В бинокль Лида видела только их мелькающие белые попки.

– Вау! Какие красивые. А на диких кабанов можно посмотреть?

– Сейчас уже поздновато. Кабаны ночью кормятся, а днём в лесу отлёживаются. Если бы на часик раньше выехали, то кабанов много увидели бы. Трава ещё невысокая, так что их издали заметно. Я на прошлой неделе на одном поле три стада засёк. Всех вместе насчитал шестьдесят восемь голов.

– Ого! А кто ещё у вас водится?

– В том году олени зашли из Налибокской пуши. Два стада. Местные говорили, что зубра месяц назад видели. Только я следов так и не обнаружил. И лосей уже как три года подряд прибавляется. Лося, может, мы сегодня и увидим на дискотеке. Поводился один здоровенный почти каждую ночь приходить. Я там соли для него насыпал. Только машину надо будет на подъезде оставить и метров триста пешком пройти.

– Лося на дискотеке? Это как? – непонимающе уставилась Лида на Валерия Петровича.

– Это мы так, меж собой, одну кормовую площадку называем, – засмеялся тот. – На неё столько зверья ночью приходит, что всё вокруг кормушки вытоптали. Если в темноте на них прибором ночного видения посмотреть, то у них там такая тусовка, что прямо дискотека. Сама увидишь. Живого места на земле нет. Всё в следах от копыт.

– Ну тогда поехали на дискотеку!

По дороге переехали вброд широкий ручей. Вода затекла в открытую кабину Лиде по щиколотку. Хорошо, что папа заставил сапоги надеть. Девочка была в восторге. Настоящее путешествие с приключениями. Пару раз из-под колёс выскакивали сонные зайцы и быстро-быстро уносились прочь. Вскоре въехали в совсем дремучий лес. Петрович даже дважды выбирался из машины и бензопилой расчищал дорогу от упавших веток. Остановились на небольшой поляне.

– Сейчас идите вперёд, к дискотеке. Повезёт, посмотрите на зверьё. Я подожду минут пятнадцать и к вам на машине подъеду, чтобы мешки с зерном на спине не тащить.

Только никого они в это утро больше не увидели. Вся площадка на самом деле была в следах от копыт. Папа показывал ей разные отпечатки и пояснял, какое животное их оставило и сколько дней назад. Он помог Петровичу выгрузить мешки, и они поехали дальше. За час побывали ещё на трёх кормушках. Лида почувствовала, что уже сильно проголодалась, и сказала об этом вслух.

– Поехали сейчас на панскую усадьбу, – предложил Петрович. – Они неплохой ресторан открыли с национальной кухней. Колдунов покушаем с мачанкой. Заодно и посмотрите, как они там развернулись. Вырыли озеро и сейчас на большой ладье туристов катают. По выходным у них гончарная мастерская работает. Можешь с мастером сама себе горшок из глины вылепить. Или в кузне какую безделушку купить.

– Да, развернулись они круто, – прокричал папа. – Мы последний раз туда прошлой осенью заглядывали на конях покататься. Ты когда, Петрович, говорил, что «Сулу» какой-то бизнесмен выкупил и собирается восстанавливать, я даже не поверил. Там же камня на камне не оставалось. Только сумасшедший на такое способен.

Петрович усмехнулся и что-то ответил, но Лида ничего не расслышала из-за рёва мотора. Он гнал машину на большой скорости, и Лида крепко уцепилась за раму, чтобы не удариться головой о крышу, когда они подпрыгивали на кочках. Петрович опять резко затормозил и выбрался из машины. Он проследовал назад по дороге, долго что-то разглядывал на примятой траве и вернулся крайне недовольный.

– Что там? – спросил папа.

– Браконьеры сегодня ночью тут ездили.

– Свои или залётные?

– Свои, – вздохнул Валерий Петрович. – Залётных я уже года два как не встречал. Есть тут один местный. В Телешевичах живёт. Километров пять от вашего хутора. Болек Лиходиевский. Никак словить не могу. Хитрый чёрт. Раньше в милиции служил. Уволили за взятки. Вот он и промышляет браконьерством. Уже седой весь, да всё никак не уймётся. Плохой человек. Местные его не любят. Ещё и племянника своего в подельники взял – пьянчугу. Ладно. Рано или поздно попадутся. Сколько верёвочке не виться... Поехали, что ли? А то у меня у самого кишки марш играют.

До имения добрались быстро. Машину припарковали на просторной стоянке прямо перед высокой каменной брамой с нарядной вывеской «Панскі маётнак Сула». Лида любила это место. Особенно в будние дни или в плохую погоду, когда туристов приезжало поменьше. И всё-таки раньше здесь было как-то уютнее, пусть и не так ухоженно. В заросшем старом парке с тенистыми аллеями было так славно укрыться от зноя в жаркий летний день. А зимой с мороза выпить горячего ароматного чая в маленьком кафе со стеклянным камином, в котором так мило потрескивали берёзовые поленья. Пока ремонтировали хутор, Лида проводила в «Суле» много времени. Они даже с папой дважды оставались здесь в небольшой гостинице, когда от усталости не оставалось сил садиться за руль и возвращаться в Минск на ночь глядя. А ещё один раз ходили здесь в баню и прыгали прямо из парилки в пруд с ледяной водой. Может, папа и на хуторе баню построит? Прямо возле речки. Хорошо бы. Сейчас в «Суле» по-другому. Всё строят, копают, шумят. Скорей бы уже закончили. Интересно будет посмотреть на результат, когда всё сделают. Валерий Петрович повёл их через широкие настежь распахнутые кованые ворота по гранитной дорожке напрямик к ресторану. Всюду кругом кипела работа. Два автомобильных крана поднимали с земли громадные валуны и перемещали их поближе к участку, где уже наполовину возвышалась каменная башня будущего рыцарского замка. Бригада рабочих накрывала крышу на изящном продолговатом здании, выложенном из рыжего кирпича. Ещё и трактор растягивал гору белого песка вдоль берега озера. Было похоже, что отсыпают пляж.

С последнего визита Лиды так много уже успело преобразиться. По всей территории были вымощены широкие пешеходные дорожки из брусчатки, вдоль которых ровно в ряд торчали элегантные чугунные фонари. Между дорожек на всём свободном пространстве зеленел ровный ухоженный газон. Кроны старых заросших деревьев, уже давно позабывшие заботливые руки садовника, были тщательно расчищены и приведены в порядок и сейчас радовали глаз молодой листвой. В дальнем углу парка появилась избушка Бабы Яги, а вдоль небольшой мощёной улочки бок о бок стояли деревянные домики с антикварной аптекой, торговыми лавками и национальным белорусским кукольным театром – батлейкой. Но самое примечательное – это длинное озеро, которое возникло на месте старой запруды. Чистая прозрачная вода сверкала в лучах летнего солнца и манила своей свежестью и прохладой. У только что отстроенной деревянной пристани, ещё не успевшей потемнеть от дождей и ветра, лениво покачивался, поскрипывая такелажем, приятно пахнущий смолистыми досками и свежей краской старинный корабль, какие Лида видела только в фильмах про викингов. Она перевела взгляд на манеж для верховой езды и невольно залюбовалась тренировкой всадников. Рядом с манежем несколько человек о чём-то оживлённо беседовали, с интересом наблюдая за ездоками.

– Андрей! – позвал кого-то Валерий Петрович.

Навстречу им двинулся один из зрителей.

– Здравствуйте, Валерий Петрович.

– Познакомься. Это ваш сосед с хутора, – Валерий Петрович указал на папу. – А это и есть новый хозяин «Сулы» – Андрей.

Папа представился, и они вежливо перекинулись парой слов. Лида потянула папу за руку. Она уже умирала с голода. Андрей пообещал присоединиться к ним в кафе через некоторое время. По пути в ресторан папа не переставал вращать по сторонам головой, поражаясь размаху строительства. Он попытался было задержаться возле одной из площадок, но дочь быстро вернула его на нужный маршрут. Наконец уселись за стол и заглянули в меню. Да уж! Чего тут только не было: мясные присмаки собственного приготовления, колдуны с мачанкой, драники со сметаной, драники с сёмгой, дикая утка с перловкой, жаркое в горшочках из печи, кишка с картошкой, уши запечённые, фляки, судак в сметане и ещё куча всего.

– Лид, – папа сглотнул слюну. – Мы с Петровичем посидим тут какое-то время. Ещё и дядя Андрей к нам присоединится. Ты можешь пойти по имению прогуляться. Хорошо?

– Так и сделаю. Я вообще тут могу на день зависнуть. Если только тебе не надо к рабочим идти.

– Рабочие сегодня не приедут. Зря мы с тобой напрягались вчера вечером. Надо других искать. Поговорю с Лёдзей Петровной. Так что сегодня выходной.

Лида выбрала себе картофельную колбасу – кишку, набитую тёртым картофелем со шкварками. Папа называл её «ведерай» и говорил, что пробовал такую в Вильнюсе. Кушать хотелось безумно. Из-за утренней прогулки по лесу разыгрался зверский аппетит. Как оказалось, Валерий Петрович уже не раз успел побывать здесь и оценить большинство блюд. Поэтому он сразу посоветовал, что заказать. Начали они с борща и медовой наливки, которую так смачно расписал Валерий Петрович. После закусили толстыми ломтями домашнего зельца, обильно приправленного острым хреном и поданного со свежееиспечённым ржаным хлебом, от которого исходил сильный аромат тмина и кориандра. Папа особенно нахваливал фляки, которые, к его удивлению, подали не в бульоне, а запечённые в сметанном соусе как горячую закуску в небольшом горшочке. С жарким решили повременить – подождать, пока присоединится дядя Андрей. Хозяин имения появился как раз в тот момент, когда Лида доедала последний кусочек. Девочка быстренько поднялась из-за стола и, поцеловав папу, направилась к выходу, пожелав всем приятного аппетита. На пороге она несколько раз выразительно поглядела на папу, намекая ему, чтобы тот особо не усердствовал с наливкой. Папа становился таким скучным, когда беседовал со взрослыми. Просто жуть. А уж если при этом и выпивали, то вообще про всякую ерунду говорили, навевая на Лиду вселенскую тоску.

Глава 4. Тайна фотокарточки

Хоть Лида часто бывала в «Суле», она так за всё время и не удосужилась сходить на экскурсию. Как правило, она лишь ездила верхом, а остальное ей не казалось особо интересным. Только сейчас времени было невпроворот, поэтому можно и прогуляться. Сначала на кузню. Тяжёлая дубовая дверь кузни была распахнута, и оттуда доносились ритмичные удары молота. Молодой кузнец в грязном кожаном фартуке мельком взглянул на вошедшую девочку и жестом показал, чтобы та сама осмотрелась и его не отвлекала. Лида с интересом обошла небольшое помещение, стены которого напоминали скорее средневековый замок, чем мастерскую: столько разноманитного оружия занимало всё свободное пространство и служило украшением мастерской. Кузнец прекратил стучать, сунул железяку, по которой он бил молотом, в горящие угли и отвлёкся от работы, поприветствовав её.

– Ты посмотреть или что-то конкретное ищешь?

– Не знаю. Наверное, посмотреть. Никогда раньше кузню не видела. Только в кино. А вы сейчас что делаете?

– Клинок для ножа выковываю.

Он снял со стены большой нож с резной деревянной рукояткой и, взяв в руку лист бумаги, провёл вдоль него лезвием. Половинка листа, плавно кружась, полетела на пол. Он ещё раз повторил, разрезав оставшийся в руке кусок.

– Ого. Какой острый, – восхитилась Лида. А можно я сама попробую?

Кузнец передал ей нож и новый целый лист бумаги. Затем достал из углей раскалённую железяку и продолжил бить по ней, высекая искры. Ярко-оранжевый кусок металла гнулся под молотом, как обыкновенный пластилин. Лида попробовала разрезать бумагу. Острое лезвие безо всякого усилия рассекло лист. Девочка внимательно присмотрелась к ножу. Клинок был весь покрыт чёрными завитушками с таким сложным и причудливым узором, что Лида невольно залюбовалась им, поворачивая его под разными углами. Кузнец сунул раскалённый металл в ведро с водой, которое громко зашипело, и из него повалил густой пар.

– Всё. Перерыв, – произнёс он. – Ну как? Нравится?

– Обалденно. А что это за завитушки такие на лезвии?

– Это дамасская сталь. Чтобы её получить, надо много кусочков вместе сплавить, а затем ковать клинок. Тогда он и прочным, и гибким будет.

– И острым? – уточнила Лида.

– Ну, это как заточишь, – рассмеялся парень.

– А долго такой нож делать?

– Если хорошо делать, можно и неделю провозиться. Мне же надо ещё и на торговлю отвлекаться. Тебе приглянулось что-нибудь?

– Ах! Мне всё понравилось, только мне это не надо. Папа хотел большую кочергу заказать и щипцы для камина. Но я не разбираюсь в этом. Скажу, чтобы сам пришёл. Он сейчас в ресторане обедает.

– А ты молотком когда-нибудь стучала? – неожиданно спросил кузнец.

– Ещё бы. Я папе помогала хутор ремонтировать. Тыщу гвоздей забила.

– Ну, если тыщу, – улыбнулся кузнец, – тогда ещё разок стукнуть сможешь.

Он достал из коробки круглую плоскую медяшку и поместил её в отверстие в металлической болванке. Затем накрыл сверку ещё одной железякой. Подобрал небольшой молот, протянул его Лиде.

– Сейчас со всей силы надо в это место стукнуть. Только с одного раза чтобы вышло.

Лида взяла в руки молот и, примерившись, сильно ударила в нужное место.

– Да тебя можно в подмастерья брать. Смотри, что вышло. Держи в подарок.

Он извлёк медяшку, которая превратилась в самую настоящую монету, и протянул Лиде. На ней появилось рельефное изображение больших каменных ворот и надпись «Сула». На обратной стороне было выбито красивое ветвистое дерево.

– Офигеть. А я-то всё думала, как в древности монеты изготавливали. Теперь понятно. А золотую можно?

Кузнец расхохотался. Лидка тоже засмеялась.

– Можно. Только не по карману мне такие подарки делать.

– Спасибо вам за монету. Пойду я. Мне ещё надо горшок слепить. Я к вам с папой ещё обязательно зайду.

Лида вышла на улицу и завернула в соседнюю дверь с надписью «Ганчарная майстэрня». Там невысокая полная хозяйка вместе с двумя туристами увлечённо пытались вытянуть на гончарном круге глиняный горшок.

– Скажите, а мне можно попробовать? – спросила Лида.

– Приходи через полчаса. Свободно будет.

Чтобы не слоняться без дела, Лида решила заглянуть в музей истории «Сулы». Внутри было прохладно. На выбеленных стенах висели старые фотографии с изображением каких-то строений и людей, а ещё страницы текстов, исписанных изящными каракулями на непонятном языке, наверное, старинные. Только вниманием девочки сразу завладел большой написанный маслом портрет женщины с чёрными волосами и пушистым лисьим воротником. Лида даже вздрогнула от неожиданности. Точь-в-точь мама. Только что-то ещё очень знакомое было в чертах лица этой красивой незнакомки. Внезапная догадка пронзила Лиду. Она потянула руку в карман и достала вчерашнюю фотографию семейной пары, найденную в сарае. Потрясающе! Это одна и та же женщина. Лида настолько увлеклась изучением картины и фотографии, что не заметила, как к ней кто-то подошёл.

– А ну верни фотографию на место! Кто тебе разрешал её брать? Ещё и согнула пополам.

Лида вздрогнула от испуга и обернулась. На неё глядел высокий смуглый мальчик лет пятнадцати с чёрными курчавыми волосами. Одет он был в потёртые синие джинсы и красную футболку. Мальчик был выше Лиды на целую голову, и потому казалось, что он прямо-таки нависает над ней. Крайне недовольное выражение его лица и тон, с которым он обратился к Лиде, не предвещали ничего хорошего. Голос у него был настолько категоричным и командирским, что сразу же вызвал у Лиды протест и возмущение. Как он смеет так с ней разговаривать? Даже папа никогда не позволял себе подобное обращение, хотя у него было достаточно поводов для этого. А этого дядю она видит впервые в жизни, и тот имеет наглость обвинять её в том, чего она не совершала. Лида спрятала фотографию за спину и дерзко ответила:

– Ничего я у тебя не брала. Это моя фотография.

– Что ты врёшь! Сказал отдай!

Мальчик попытался выхватить фотографию у Лиды, но та повернулась к нему спиной и прижала карточку к груди обеими руками. Мальчик попробовал расцепить ей руки, и Лида громко завизжала от боли и негодования.

– Константин! Что здесь происходит? – на пороге возник высокий сухощавый старик с аккуратной бородкой и толстой стопкой бумаг в руках. – Разве так себя ведут с дамами?

– Дедушка. Она фотографию Ленских украла.

– Ничего я не крала. Дурак какой-то. Это моя фотография! – Лида отодвинулась от мальчика и отвела руку с карточкой за спину.

– Позвольте полюбопытствовать, барышня. Что вы там так усердно скрываете?

– А вы кто?

– Ах, прошу прощения, что не представился. Гудиевский Олег Михайлович. Директор школы в Рубежовичах. По совместительству заведу краеведческим музеем, расположенным в нашей школе. А этот шалопай, который на вас напал, мой внук Костик. Мы помогаем новому

владельцу усадьбы восстановить историю семьи последних её хозяев. С кем имею честь беседовать?

Лида так и не поняла, шутит старик или говорит серьёзно. В тоне его слышались ирония и какая-то наигранная манерность, но глаза светились таким добрым задором, что девочка сразу оттаяла. Вообще, всем своим видом старик напоминал одного чокнутого профессора, которого Лида видела в каком-то из фильмов. Очки его смешно сидели на самом кончике длинного носа, отчего ему приходилось слегка выпячивать глаза, чтобы смотреть на Лиду поверх стёкол. При этом одет он был весьма неопрятно в мятый лёгкий костюм светлого тона и видавшие виды тёмно-коричневые туфли. Только борода и усы у него имели очень аккуратный вид. Было заметно, что это единственная деталь его внешности, для которой он считает должным находить время и уделять ей внимание.

– Лидия. Новая хозяйка соседнего хутора, – ответила она в том же тоне.

Олег Михайлович рассмеялся, а Костик покраснел как рак.

– Лидия! Так вы позволите взглянуть на вашу фотографию?

– Пожалуйста. Только с возвратом. А то я папе расскажу. Он сейчас в ресторане обедает.

– Серьёзная угроза, – то ли опять пошутил, то ли вправду сказал Олег Михайлович. –

Обязуюсь вернуть вам вашу собственность в целости и сохранности.

Лида протянула карточку старику.

– Невероятно! Откуда она у вас? – дрожащим голосом произнёс Олег Михайлович. –

Константин. Принесите Лидии свои извинения. Такой карточки в нашем архиве не было.

Костя вспотел от смущения и пробормотал в ответ что-то невнятное. Очевидно извинения.

– А кто это на фотографии? – не удержалась Лида.

– Это последняя хозяйка «Сулы» – Эльжбета Ленская с мужем.

– Там же написано Василевские.

– Василевский – это фамилия мужа, которую Эльжбета взяла после свадьбы. Так где же вы раздобыли это фото?

– Вчера на хуторе в сарае нашла.

– А где ваш хутор точно находится?

– Как из задних ворот выходите, сразу направо по дороге и минут через пятнадцать в него упрётесь.

– Наверное, это хутор Смелого, – вставил Костик.

– Почему Смелого? – удивилась Лида.

– Не знаю. Так его здесь называют, – буркнул мальчик в ответ.

– Поразительно! – вновь произнёс Олег Михайлович. – Этот хутор с «Сулой» никак не связан. Раньше там располагалась пограничная застава, если мне не изменяет память. После жила какая-то семья. Но уже лет пятнадцать как все умерли и хутор пустует.

– Мой папа его купил и сделал ремонт. Мы сейчас там живём летом.

– Нам следует немедленно туда попасть. Где вы говорите ваш папа? В ресторане? Идёмте к нему.

Старик резко направился к выходу, увлекая за собой детей.

– Олег Михайлович! – Лида резко остановила его. – Фотографию мне верните.

Олег Михайлович смутился и, извинившись, протянул фото девочке. Видно было, что он делал это с большой неохотой.

Олег Михайлович вбежал в ресторан, оставив позади Лиду и Костика. Он сразу направился к столику, где сидели папа с Валерием Петровичем и дядей Андреем.

– Андрей Валерьевич! Слава богу вы здесь! Удивительная находка. Только что эта девочка, – он показал на Лиду, – принесла неизвестную фотокарточку Эльжбеты Ленской с супругом. Пока это единственная фотография, где присутствует и Василевский. Судя

по всему, они сфотографировались сразу после свадьбы. Девочка утверждает, что нашла её на хуторе. Нам надо срочно там всё осмотреть. И прошу вас решить вопрос, чтобы это фотополнило экспонаты музея.

При последних словах Лида запрятала фотографию поглубже в карман. Папа, увидев это, рассмеялся и решил вступить в разговор.

– Это правда, – сказал он. – Мы с дочкой вчера разбирали старый хлам и случайно нашли это фото. Я хотел сжечь его, но Лидка не разрешила и забрала фото себе. Теперь она по праву им владеет, – он посмотрел на Лиду и, хитро прищурившись, подмигнул ей.

– Как сжечь? Да вы понимаете, что вы могли наделать? У нас тут всё кишмя кишит чёрными копателями, так что большинство артефактов и так уходят из-под носа. А вам сокровище само в руки плывёт, и вы его сжечь собираетесь? Надо срочно к вам идти, чтобы вы, не дай бог, ещё чего-нибудь не сожгли.

– А вы, собственно, кто такой, что с такой лёгкостью собираетесь ворваться ко мне в дом и там обыск устраивать?

Лида подумала, что папа такой крутой. Его не так просто напугать, да ещё какому-то старикашке в паре с невоспитанным мальчишкой. Тут в разговор вступил Андрей. Он понял, что если не вмешаться, то папа и Олег Михайлович ещё, чего доброго, и поссорятся.

– Это Олег Михайлович. Местный историк и археолог. Ведёт раскопки древнего городища неподалёку от «Сулы». Лучше всех знает историю этих мест и, в частности, семьи Ленских, которые были последними владельцами усадьбы. По моей просьбе он с внуком помогает нам сделать экспозицию музея истории «Сулы».

Олег Михайлович тут же расшаркался в извинениях. Он просил понять и простить его как историка. И что он совсем не то имел в виду, что подумал папа, и ещё много всего такого. Несколько минут заливался трелями, как соловей. Короче, извиняться он умел явно лучше своего внука.

– Хорошо, – примирительно ответил папа. – Договаривайтесь с Лидой. Фотография принадлежит ей. Пускай она проводит вас на хутор, если у неё других дел нет. Я сейчас занят. Не могу я так просто компанию оставить, тем более что обещал всех угостить, – при этом папа опять хитро подмигнул Лиде.

– Ну, не знаю, – протянула девочка. – Я, вообще-то, собиралась горшок слепить, а потом на корабле прокатиться. А после можем и к нам пойти.

На Олега Михайловича смотреть без смеха было невозможно. Его удручённое лицо вытянулось от отчаяния. Тут Андрей не выдержал и расхохотался, а следом за ним и остальные. Не смеялись только археологи.

– Лида, – обратился Андрей к девочке. – Помоги, пожалуйста, Олегу Михайловичу. Проси за это, что хочешь. А за фотографию обещаю тебе с папой бесплатный двухчасовой полёт на нашем вертолёте.

– Хорошо. Схожу с ними и фотокарточку вам подарю. Только пускай сводят меня на настоящие древние раскопки. На целый день.

– Лидия! Да ради бога! – тут же согласился обрадованный Олег Михайлович. – Костик у вас всё лето будет персональным гидом. Только давайте уже пойдём.

Он стремительно направился к выходу, ни с кем не попрощавшись.

– Олег Михайлович! – Лида остановила его. – Фотокарточку-то возьмите.

– Ну что, Индиана Джонс, – папа обратился к Костику. – Смотри мне дочку не обижай.

Лидка громко прыснула, отчего Костик покраснел ещё больше и, поникший, отправился вслед за дедушкой.

Глава 5. История Эльжбеты Ленской

Лида с трудом поспевала за Олегом Михайловичем, удивляясь, как в его возрасте тот умудряется так быстро передвигаться.

– Слушай, – обернулась она к Костику, – а кто такие «чёрные копатели»?

– А ты что, разве ни разу не видела здесь, как по полю люди ходят в наушниках и с металлоискателями?

– Не-а.

– Короче, это они металлические предметы ищут, которые в земле находятся. Монеты или оружие. Потом продают на чёрном рынке. А для науки это бесследно исчезает. Найдут, скажем, на поле старую саблю или наконечники стрел. Значит, там в древности битва была. А мы этого не знаем, так как находки свои они в тайне держат.

– Понятно. А рынок этот чёрный где находится? И почему чёрный? Там что, все прилавки чёрные?

– Да нет. Это так говорят. Чёрный – значит тайный, незаконный.

Дети догнали Олега Михайловича, когда тот уже входил на территорию хутора. Лида откинула плёнку с оставшегося неразобранного мусора и сказала:

– Вот в этой куче и были папки. Все пустые, а в одной оказалась карточка. Вы смотрите, а я пойду чай поставлю.

Лида вынесла на террасу чайник и миску с печеньем. Поставила три пустые чашки. Вскоре к ней присоединились расстроенные Олег Михайлович и Костик.

– В этом мусоре ничего и быть не может. Одни стройматериалы. Скажи, а ещё были какие-нибудь бумаги или документы? – уточнил старик.

– В сарае точно нет. А вот когда дом ремонтировали, может и были. Только это без меня было. Но уже ничего не осталось.

– М-да. Странно всё-таки. Как эта фотокарточка здесь оказалась? В случайности я не верю. Кто-то же её много лет назад здесь оставил. И уж точно это была не Эльжбета, – задумчиво произнёс Олег Михайлович, наполняя свою чашку.

– А чем она так знаменита и почему вы ею интересуетесь?

– Как тебе сказать. Эльжбета Ленская, с одной стороны, вроде и ничем не примечательна. Обычная дочь родовитых шляхтичей. Род Ленских довольно древний, но не самый богатый и не самый влиятельный. Скорее, её родной брат Зенон Ленский более известен. Он художник, и его картины хранятся в Национальном музее в Минске и в ряде галерей Западной Европы. Кстати, это он нарисовал портрет Эльжбеты, репродукцию которого ты видела в «Суле». Оригинал хранится в Минске. Только дело не в известности и богатстве. Эльжбета Ленская была вроде как ангелом хранителем этих мест.

– Ой! Олег Михайлович. Расскажите о ней. Это так интересно.

– Она родилась в 1865 году. Кроме неё в семье было ещё пятеро братьев. Эльжбета была младшей. В конце века вышла замуж за Михаила Василевского. Говорят, очень они любили друг друга. Только муж её вскоре погиб на войне. Эльжбета вернулась в родительское имение, сюда в «Сулу», и прожила до самой смерти в 1951 году в возрасте восьмидесяти шести лет. Детей у неё не было, и замуж она больше так и не вышла. Она пережила две мировые войны и два переноса границ. С границами вообще мистическая история связана. Когда в 1921 году Польша захватила часть территории России, то новая граница должна была проходить акkurat по речке Сула – это значит как раз посередине Рубежовичей. Представляешь, что это значит? Вчера друзья и родственники жили по разные стороны одной улицы. А сегодня между ними граница. Один в Польше проснулся, а другой в России. Настоящая трагедия для людей. Но разве правителей когда-нибудь волновало людское горе? Им-то что? На карте ручкой про-

вёл линию, а сколько судебных людских этим росчерком пера сломал, никто не смотрит. А где людям защиты искать? Вот они по привычке и пришли просить помощи у Эльжбеты. Когда-то она им очень помогла со строительством нашего костёла в Рубежевичах. И не только деньгами. С костёлом этим тоже целая история связана. Ты там была, кстати?

– Нет, ни разу. Мы с другой стороны всегда на хутор приезжаем. Через Рубежевичи дольше выходит и дорога хуже.

– Ну так сходите с Костиком. Он тебе про костёл и расскажет в другой раз. Так вот, дальше про Эльжбету слушай. Она с новой властью договорилась, чтобы на этом участке границу на несколько километров восточнее перенесли, так что и Рубежевичи, и её родовое имение на Польской территории оказались. Люди говорят, что целый сундук золота за это комиссарам отдала. Брешут, конечно. Род Ленских хоть и богат был, но не настолько, чтобы целый сундук золота отвалить. Но без денег, конечно, не обошлось. Просто так Советы бы на это не согласились. А полякам это и в радость было – дополнительно часть территории получить. За это люди ей до конца жизни благодарны были. А вот власти советские на ней отыгрались. После того как у Польши земли назад забрали, хозяйский дом взорвали, а остальные постройки разрушили. Может, просто мстили, а может, ещё золота хотели. Вот Эльжбета и переселилась в дом своей экономки рядом с имением. Там и прожила до конца дней. Старики рассказывают, что перед смертью она всё своё имущество, которое оставалось, на клочках бумаги расписала. И люди эти бумажки тянули. Кому столовый набор достался, кому кресло, а кому и книги. После того как мы музей открыли, люди нам многое назад принесли, чтобы память о ней осталась.

– Она столько добра сделала людям, а они её никак не отблагодарили?

– Эх, Лидия, Лидия! Разве ж добро из благодарности делают. Тогда это расчётом называется. Добро – это когда всего себя отдаёшь другим, не ожидая при этом, что тебе отплатят. Тогда у тебя в душе Бог поселяется. Чего же большего желать. Хотя всё-таки была ещё одна тёмная история. Помогли ей тогда люди. Не без того. Говорят, что в 1945 году в конце войны приехали её чекисты арестовывать как врага народа. Да только не выдали её люди. То ли откупились, то ли силой её вызволили. Толком никто не скажет сейчас. Уж все свидетели тех событий давно умерли. А тогда про такие вещи просто так болтать опасно было. Соппротивление властям в те времена смертью каралось. Вот и унесли эту тайну в могилу те немногие, кто её знал.

Лида представила себе, как много лет назад Эльжбета пила чай у себя на веранде. Так же, как и они сейчас. И тут к её дому подъехала машина с какими-то злыми людьми, одетыми во всё чёрное, которых Олег Михайлович называл странным словом «чекисты». Они достали пистолеты и захотели арестовать женщину, но соседи – кто с вилами, кто с дубинами – прогнали прочь непрошенных гостей. Перед Лидой на миг предстал образ хозяйки «Сулы». Только почему-то на Лиду смотрела не Эльжбета, а... мама. Девочку на миг сковал ужас.

– Страшно тогда жить было? – спросила она у старика.

– Когда в душе Бога нет, жить в любые времена страшно, – как-то очень пространно ответил тот.

– А что потом с усадьбой стало?

– Да ничего особенного. Разрушалась со временем. Да и люди к этому руку приложили. Всё сокровища искали. На территории усадьбы находилась небольшая часовня – ротонда с колоннами. Под ней склеп, где Ленские хоронили своих умерших. Так вот, охотники за сокровищами все гробы выкопали, даже скелеты покойников извлекли. Местные люди после перезахоронили останки на кладбище в Рубежевичах. Сейчас мы с учениками следим за их могилами. Было время, все с ума сходили по этим сокровищам. Всю усадьбу перерыли. Когда Андрей Валерьевич затеял работы по восстановлению, отбоя от желающих поработать не было. Всё верили, что как техника примется фундаменты рыть, может и найдётся тот самый мифический

сундук с золотом. Надеюсь, уже успокоились. Если уж Эльжбета на тот свет ушла и даже серебряного крестика с собой не прихватила, а всё людям раздала, то уж золото она и подавно бы не оставляла. Потом ещё какое-то время о бриллиантах её местные судачили. Вот про то самое ожерелье, что на ней надето на твоей фотографии. Это был свадебный подарок её мужа – фамильная драгоценность Василевских. Говорят, что его предок триста лет назад это украшение из рук самого короля получил. Может, оно так и было, только, по всей вероятности, это ожерелье Эльжбета давно продала. В начале прошлого века финансовые дела Ленских не так хорошо шли, как им бы этого хотелось. Им пришлось продать свой стеклозавод и ещё несколько предприятий. Да и очень много денег они на строительство костёла пожертвовали. Где-то в этих расходах, думаю, и ожерелье в ход пошло. А поскольку след его здесь нигде не всплыл, то и продали они его где-нибудь в Европе. Брат Эльжбеты Зенон ведь долгое время в Германии в Мюнхене жил. Да и какое это имеет сейчас значение. Это всё в далёком прошлом.

– А что у вас там за дверь в земле? – спросил у Лиды Костик, указывая на заглубленный в холм погреб.

– Это старый погреб. Мы там яблоки осенью складываем. Только сейчас он пустой. Сенька там свои игрушки хранит. Это его любимое тайное место.

– Можно посмотреть?

– Конечно, смотрите. Дверь никогда не запирается. Там сокровищ никаких нет, – пошутила Лида.

Олег Михайлович с Костиком поблагодарили за чай и направились к погребу. Лида убрала со стола и присоединилась к ним.

– Да это старый ледник, – произнёс Олег Михайлович, пока Костик подсвечивал ему фонариком мобильника. – Только здесь ничего интересного. Да и сыро так, что никакие документы столько времени не пережили бы. Пора нам возвращаться.

– А что за ледник? – переспросила девочка.

– Холодильников раньше не было. Вот и вырывали глубокие погреба прямо в земле. Зимой туда глыбы льда из реки приносили. И лёд этот не таял почти целый год. В этих погребах продукты и хранили. В «Суле» тоже ледник есть, только намного больше вашего.

Лида провела новых знакомых до дороги. Взяла у Костика номер телефона и пообещала на днях позвонить, чтобы на раскопки сходить и ещё в костёл в Рубежевичи съездить. Расстались тепло, давно позабыв про конфуз первой встречи. Лида набрала папе. Тот ответил, что вернётся ближе к вечеру и вместе с ней приготовит шашлык на костре. В усадьбу возвращаться не хотелось, поэтому Лида уселась в кресло, чтобы почитать. Только не читалось. Мысли её постоянно возвращались к рассказу Олега Михайловича про последнюю хозяйку «Сулы». Лиде почему-то было очень жаль её. Девочка не заметила, как задремала. Ей снилась «Сула» много лет назад. Большая семья устраивалась за круглым столом на веранде, чтобы завтракать. Женщины были одеты в пышные летние платья и широченные шляпы. Мужчины все были в костюмах. Среди членов семьи заметно выделялась стройная красивая женщина – Эльжбета. Только это почему-то опять была Лидина мама. Она вдруг посмотрела на дочь и улыбнулась такой доброй улыбкой, что Лиде сразу на душе стало тепло. Потом мама погладила её по голове. Лида вдруг проснулась. Над ней склонился папа, от которого сильно пахло дымом костра. Он гладил её по волосам и негромко повторял:

– Лидусь, просыпайся. Пошли у костра посидим. Я уже и мясо пожарил.

Мясо папа готовить умел. Ни у кого Лида не пробовала таких вкусных шашлыков, как у него. Она почувствовала, что проголодалась, и с удовольствием уплетала горячие жирные куски, закусывая хрустящими сладкими огурцами.

– Лёдзя Петровна угостила, – сказал папа, указывая на огурцы. – Попросил у неё найти хотя бы двух рабочих. Она пообещала, что не раньше, чем через неделю. Сейчас все в поле

заняты. А кто свободен, в «Суле» уже работает. Так что я с тобой всю неделю бездельничать буду. Как твой день прошёл? Что там наши археологи? Нашли что ценное?

– Не-а. Только пожалели, что время потратили. Ну да, я их чаем угостила. Ты знаешь, они мне рассказали историю той женщины с фотокарточки. Это так интересно и так грустно. Она была такой несчастной.

– Почему ты решила, что она была несчастной?

Лида, как могла подробно, пересказала ему судьбу Эльжбеты Ленской. Папа внимательно выслушал, не перебивая. Потом, как обычно, хитро прищурился и произнёс:

– Из того, что ты мне рассказала, я вижу жизнь очень счастливого человека.

– Как это? – удивилась девочка.

– Ну, во-первых, с твоих слов она дожила почти до девяноста лет. Несчастные люди так долго не живут. Горе и злоба их намного раньше сводят в могилу. Слишком уж непосильна эта ноша. Во-вторых, – продолжал папа, – она вышла замуж по большой любви, что, вообще-то, огромная редкость. А любовь, похоже, была настоящей, раз она хранила верность погибшему на войне мужу всю жизнь.

– Такая же любовь, как и у вас с мамой?

– Наверное. Любовь у каждого своя, – папа грустно улыбнулся. – Мне продолжать?

– Конечно, продолжай. Извини, что перебила.

– В-третьих, у неё выдался шанс помочь людям, которые ей были вовсе не родными и не близкими. И она этим шансом воспользовалась сполна. Вообще-то, в жизни это и есть самое большое счастье – пожертвовать собой ради других людей. Ну и, наконец, в-четвёртых, люди ей ещё при жизни отплатили добром за добро, не позволив её арестовать. Это вообще из области фантастики. Могу ещё добавить и в-пятых, что память о ней не только осталась, но ещё и бережно хранится и восстанавливается. Просто сейчас у многих сместилось понятие добра и зла, счастья и горя. Им кажется, что счастье приносят деньги, яхты, вертолёты и всё подобное. А это только лишняя обуза в жизни, которая как раз счастье и отдаляет.

– Пап.

– М-м-м?

– Знаешь, за что я тебя люблю?

– Интересно.

– Ты так всё хорошо объясняешь всегда, что сразу всё понятно становится. Я такая расстроенная ходила. Почти расплакалась после рассказа Олега Михайловича. Но ты всё так разъяснил, что у меня сразу настроение поднялось.

Папа придвинулся к дочери и обнял её за плечи.

– Пап.

– М-м-м?

– А здорово было бы найти сокровища!

– Какие сокровища?

– Ну, семьи Ленских. А вдруг этот сундук с золотом у нас в саду закопан? Или бриллиантовое ожерелье?

– Боже упаси.

– В смысле?

– Лидка! Если Боженька хочет тебя наказать, то он тебе сокровища подкинет или в лотерею выиграешь.

– В смысле, па? Чем плохо в лотерею выиграть?

– Беда это. Незаслуженно заработанное развращает твою душу на всю оставшуюся жизнь. Ты после такого уже никогда не сможешь ничего путного в жизни сделать. Всё надеешься, что опять каким-то чудом с неба деньги свалятся. А жизнь так и проходит в злобе и зависти. Можешь почитать, в интернете есть подборки, чем закончилась жизнь большинства так назы-

ваемых счастливиц, на которых вдруг огромное богатство свалилось. Просто фильм ужасов. А с бриллиантами ещё хуже дела обстоят. Чем дороже украшение, тем длиннее за ним список кровавых жертв. Уж они, будь уверена, только одни несчастья приносят. Так что от всех этих поисков лучше держаться подальше. Пока сокровище в земле лежит, всё спокойно. Как только его извлекают на свет божий, сразу люди кругом погибать начинают. Да эта истина всем известна, только сложно от подобного соблазна удержаться.

– Странно. Я никогда об этом не думала.

Лида плотнее прижалась к папе, так как стало совсем зябко. Она и не заметила, как заснула и как папа отнёс её в дом.

Глава 6. Призрак из прошлого

Наконец-то Лиде удалось как следует выспаться за последние несколько дней. Не спеша вставать, она ещё долго нежилась в постели. Вскоре, услышав журчание в животе, спустилась на кухню. Папа уже колдовал возле плиты.

- Доброе утро, Лидусь. Как спалось?
- Ой, супер, – Лида опять потянулась. – А что на завтрак?
- Сырники из деревенского творога с деревенскими яйцами и сметаной. Как тебе такое?
- Папуля, спасибоочки.
- Сходи только в душ, а то от тебя костром на всю кухню пахнет.

Лида быстро помылась и уселась за стол.

- Какие планы на сегодня? – спросил папа, накладывая ей горку сметаны на тарелку.
- Пока не решила.
- Я тебе забыл вчера сказать, что разговаривал с Юлей.
- С какой?
- Тренером по верховой езде.
- А-а-а. И что?

– В «Суле» через две недели будет большой праздник Купалье. Они готовят выступление всадников, что-то типа джигитовки. И у них одну девочку родители с собой в отпуск увозят. Так что не хватает участника. Юля просит, чтобы ты выступила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.